

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО
ДЖАМП**

**ЗВЕЗДЫ – ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ
ЗВЕЗДНАЯ ТЕНЬ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Миры Сергея Лукьяненко»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Художник *Е. Фerez*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.

Л84 Джамп: Звезды — холодные игрушки. Звездная Тень : [сборник] / Сергей Лукьяненко. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 768 с. — (Миры Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-137687-1

Выйдя в космос, человечество установило контакт с Конклавом — объединением разумных существ, стоящих на разных ступенях развития. Сильные расы, управляющие Конклавом, поручают Слабым лишь самые незначительные операции, и именно эта незавидная роль досталась землянам.

Молодой пилот Пётр Хрумов случайно ввязывается в заговор, целью которого является пересмотр условий взаимодействия в Конклаве. Расстановка сил не в нашу пользу.

Джамп — уникальная способность перемещаться между мирами — единственное преимущество землян перед инопланетянами...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЗВЕЗДЫ — ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ

Пролог

Океан не помнил обид. Подобно небу, он верил в свободу, подобно небу — не терпел преград. Я стоял на мокром песке, волны лизали ноги, и так легко было поверить, что чужая звезда в небе — мое Солнце, а соленая вода — древняя колыбель человечества.

Вот только линия берега — слишком ровная. Прямая, как горизонт, и такая же фальшивая. Если пойти вдоль берега, то ничего не изменится: по правую руку потянутся низкие, словно подстриженные, рощицы, по левую — будет шипеть прибой. Лишь песок под ногами изменит цвет, из желтого станет белым, из белого — розовым, из розового — черным, и — обратно. Полоска пляжа неощутимо для глаз повернет вправо, ее покроет снег, потом снова потянется песок, и когда-нибудь, очень не скоро, я вернусь к этой же точке, где волны все так же будут ласкать берег..

Один человек — уже слишком много, чтобы изменить мир. Я сделал шаг, и вода с шипением заполнила мои следы. Мир — уже слишком мал, чтобы оставить его в покое. Да и нет для живых безмятежности. Только морю и небу знаком покой.

Я поднял правую руку, посмотрел на нее — и пальцы стали удлиняться. Я лепил их взглядом, превращая человеческую плоть в острые изогнутые когти.

Впрочем, есть ли у меня еще право называть себя человеком?

* В книге использованы стихи Жака Превера.

Часть первая

СЧЕТЧИК

Глава 1

— Ты нехватишь письмо? — спросила Эльза. — Похоже, мы тут завязнем недели на две, муж начнет волноваться.

— Я бы на его месте не прекращал этого занятия, — неуклюже сострил я.

Эльза только улыбнулась, протягивая через стол конверт. Ее спутники сидели метрах в пяти, пили темное пиво и скалились, оглядывая нас. Ну еще бы. Я рядом с Эльзой выглядел просто цыпленком. Красивые немки — редкость, на мой взгляд. А Эльза Шредер мало того что была красивой — в парадной форме «Люфтганзы» она выглядела слегка цивилизованнейшей валькирией. Все эти побрякушечки на кителе, длинный ряд серебрястых звездочек над левым нагрудным карманом, невесть как удерживающийся на белокурых волосах берет, здоровенный пистолет в запломбированной кобуре...

— А он и не прекращает, — серьезно сказала Эльза. С юмором у нее было куда хуже, чем с русским языком. — Ну как,хватишь?

— Конечно. — Я взял конверт, попытался засунуть его в карман. Конверт упирался. Эльза вздохнула, потянулась ко мне через столик, расстегнула куртку, опустила письмо во внутренний карман, где уже лежали маршрутный лист и «керосиновые талоны».

И с чего она знает униформу «Трансаэро» лучше, чем я сам?

— Спасибо, Петер, — произнесла Эльза низким мягким голосом. Похоже, коверкая мое имя на немецкий лад, она выражала свое расположение. — Ты хороший мальчик.

Я поперхнулся от обиды. А Эльза любопытствовала:

— Может, заедешь во Франкфурт, сам передашь письмо? Ты бывал во Франкфурте? Муж будет рад.

Вот всегда так — стоит оказать услугу...

— У нас расписание напряженное, я дома буду дня три всего, — буркнул я.

— Тогда в следующий раз, — легко согласилась Эльза. — Пока, Петер...

Она поднялась, и я запоздало спросил:

— Куда летите?

— Джамайя. — Эльза вздохнула. — Подвернулся фрахт.

— Птички?

— Попугайчики и воробьи. — Второй пилот «Люфтганзы» поморщилась. Я ее прекрасно понимал. Перевозить тысячу галдящих, гадящих, взбесившихся от тесноты и непривычной обстановки птиц — занятие не из приятных.

Эльза вернулась к своим приятелям, а я остался наедине с недопитой кружкой. Еще вчера я бы одной не ограничился. Но сегодня вылет, так что, по-честному говоря, и эта кружка незаконная.

Я исподлобья оглядел бар. Народу было много, и все сидели тесными кучками. Самая большая и шумная — американцы из «Дельты» и «Юнайтед эрлайнз». Чуть поменьше — японцы из «Джал» и англичане из «Бритиш эруэйз». Даже австралийцев из «Квантаса» и испанцев из «Иберии» я углядел. наших — никого. Уступали мы в этом секторе позиции, здорово уступали. Я вздохнул, поднимаясь. Подошел к стойке, потянулся к телефону. Здоровяк-бармен, радостно улыбаясь, подвинул мне аппарат. Воскликнул:

— О! Янг рашен пайлот!

Он меня со вчерашнего дня запомнил. Бармены русских всегда любят. Мы им выручку делаем... даже в одиночестве.

— Пайлот, пайлот, — рассеянно сказал я. Снял трубку, набрал номер диспетчерской. Ответили не сразу. — Борт тридцать шесть — восемнадцать, «Трансаэро». Окно появилось?

Честно говоря, я надеялся, что сегодня вылететь не удастся. Можно было бы еще посидеть, попить хорошего пивка, выспаться в уютном гостиничном номере. Здесь мы бывали редко, жилье бронировали второпях, и потому мне выделили очень приличный люкс.

— Борт тридцать шесть — восемнадцать... — На том конце провода девушка-диспетчер защелкала клавиатурой компьютера. — Да, есть окно. В семнадцать ноль шесть. Подтверждаете вылет?

Я посмотрел на часы. Еще не было трех.

— Да.

— На медконтроль в двенадцатый кабинет и в Контрольный Центр, — любезно сказала девушка.

Опустив трубку, я хмуро посмотрел на бармена.

— Фьють? — радостно спросил он.

Вот именно, фьють...

Я кивнул и пошел к двери. Навстречу ввалилась целая толпа — не то китайцы, не то филиппинцы, пришлось прижиматься к стене. Воспользовавшись заминкой, я помахал немцам рукой, но они этого не заметили.

Шумно сегодня будет в «Старом Дональде Даке»...

После полумрака бара — тонированные стекла и плотные занавеси — снаружи немудрено было и ослепнуть. Я зажмурился, доставая темные очки, нацепил их и только потом огляделся.

Сириус-А и Сириус-Б выжигали небо до белизны. Ничего, кроме света, над головой. Никаких облаков, конечно...

Земной сектор занимал окраину космодрома. Солидную часть окраины, но именно окраину. Километрах в трех от поселка тянулись посадочные полосы — нежно-сиреневые плиты, которые не были ни бетоном, ни камнем, ни пластмассой. Уже много раз пробовали взять анализ сиреневого вещества, но пока это не удавалось. С год назад при посадке перевернулся английский челнок, пытавшийся на ходу сделать титановым скребком соскоб полосы. На дальнюю как раз садился шаттл — судя по расцветке, американский. В этом секторе торговлей занимались в основном они и французы. «Транс-

аэро» и «Аэрофлот» болтались в куда менее гостеприимных районах.

Между поселком и ПП стояли челноки, ожидающие очереди на взлет. Я отыскал взглядом свою «птичку» — ее уже начали выдвигать к стартовой башне. Двухметровая труба, ошестиненная иглами-антеннами, и шар в основании — вот и все устройство для взлета. Как говорят у нас в компании: «С Земли надо взлететь, у Чужих надо сесть...»

Челноков было с полсотни. Оживленное место — Хикси-43, восьмая планета Сириуса-А. Единственная в этой системе, где бывают люди.

Я побрел к гостинице, втягивая голову в плечи, чтобы не напекло шею. Многие не понимают, почему мы, пилоты, при наших заработках предпочитаем отдыхать не южнее Прибалтики.

Им бы разочек позагорать под Сириусами, сразу возненавидели бы Гавайи...

Отель — теоретически — принадлежал ООН. Как и Центральный пост земного сектора космопорта. На самом деле он управлялся «Хилтоном». Я помахал морским пехотинцам у входа пропуском — безумное правило, введенное еще при постройке сектора и действующее до сих пор. Кого, интересно, собирались отлавливать эти здоровые парни с М-16 за спиной? Людям вход в гостиницу разрешен без ограничений, а чтобы отличить чужаков, пропуск не нужен.

Один из морпехов на меня вообще не отреагировал, другой приветливо улыбнулся. Мы с ним вчера поболтали в баре. Морпехов прикрывал от света зеркальный пластиковый козырек, за спиной у каждого крутился вентилятор. Им было не столько жарко, сколько скучно. Глазеть на взлеты-посадки, ухмыляться знакомым да заигрывать с редкими девушками — вот и все занятие...

В номере я принял холодный душ, не экономя лимитированную воду. Вечером она мне уже не понадобится. Вытираться не стал, слабо гудящий кондиционер все равно не разгонял духоту. Постоял у зеркала, изучая свое лицо.

Ну да, конечно, крутым пилотом я смотрюсь только на Земле. Когда иду по улице провинциального города... да и то в Москве на космонавтов особого внимания уже не обращают. «Хороший мальчик...» Вспомнив Эльзу, я с досадой выскочил в гостиную. Хоть бы усы росли погуще! Добродушный двадцатипятилетний теленок с соломенной шевелюрой и пухлыми щеками! Любой пилот видел мою биографию насквозь: ВВС, пара самостоятельных вылетов, ускоренные астрокурсы и старый шаттл, на который жалко сажать опытного человека.

Ну и ладно.

По большому-то счету различия между нами невелики.

Я оделся, покидал в чемоданчик немногочисленные пожитки. Вышел, прихлопнув дверь, отдал горничной на этаже ключи. Постоял, пока она оформляла на терминале мой выезд.

Девчонка была замотанная и усталая. Персонала в космопортах вечно не хватало. Каждый человек влетал в такую копеечку! Налог на потребляемый воздух, налог на амортизацию почвы, налог на изменение массы планеты — мало ли их выдумано Чужими? Это не считая прямых расходов. Лучше бы поувольняли дармоедов-морпехов, чем выматывать диспетчеров КЦ и обслугу...

— Шасливо долететь, — ставя безумные ударения, сказала девушка. — Пан еще вернется?

— Наверное.

— Хорошо отдохнуть, пане. — Девушка вздохнула: — Мой отпуск... ой-ой... полгода!

Я сочувственно покачал головой.

— Пан знае Бориса Косуху? «Аэрофлот»?

— Нет, — признался я. С основными конкурентами мы общались нечасто. Вовсе не потому, конечно, что компания проводила такую политику. Просто наши рейсы пересекались редко.

— Веселый человек, — сказала девушка. Вздохнула. — Думала, все русские пилоты веселые...

Глупо улыбнувшись, я пошел к лифту. Что она этим хотела сказать? Можно подумать, что я — грустный человек!

Время еще было, и, забежав в бар на первом этаже, я выпил чашку крепкого кофе «по-звездному» — с корицей и имбирем. Очень полезная штука, чтобы отбить запах пива. Здесь пилоты никогда не собирались, как-то так повелось, что «Дональд» был нашей территорией, а бар при гостинице оккупировали наземники. Но кофе готовили правильный.

Теперь — врач.

Административные корпуса были недалеко. Все здесь рядом, в космопортах на других планетах. И все-таки я успел вспотеть, пока добежал по бетонной дорожке к аккуратненьким трехэтажным зданиям. Юркнул в ближайшее — между собой здания соединялись переходами из зеркального стекла, и мучиться больше положенного не стоило. Охранник сочувственно кивнул:

— Жарко?

— Жарко, — подтвердил я.

На этом наша содержательная беседа как-то сама собой затихла. Я пошел по коридорам к госпиталю.

Двенадцатый кабинет был открыт, доносились голоса, хохот. От души сразу отлегло — речь слышалась русская. Постучав по косяку, я заглянул.

— А! — Врач, невысокий крепыш в зеленом хирургическом костюме, выбрался из-за стола. — «Трансаэро»?

— Так точно.

— Да заходи, чего встал!

Он облапил меня, представился:

— Костя! Просто — Костя.

Было ему лет тридцать, а может, немного побольше. Жизнерадостность и румянец мешали понять точнее.

— Петя, — буркнул я.

Две медсестры, чинно сидевшие на диванчике у окна, прыснули.

— Месяц земляков не видел! — продолжал шуметь врач. — Когда летишь?

— Через два часа.

— Жалобы есть? — Доктор тщетно пытался принять официальный вид. — А, о чем я... Садись.

— Все в порядке. — Я достал полетную карту, едва не выронив Эльзино письмо, протянул ее врачу.

— Ты откуда родом?

— Из Москвы.

— У... далеко. А я из Абакана. Так, колись, парень. Сколько сегодня пил?

Похоже, придется признаваться...

— Полкружки пива.

Врач погрозил мне пальцем, взял со стола алкогольный детектор.

— Если больше двух кружек — сегодня никуда не пушу! Дыши!

Я послушно дохнул в раструб.

— Еще раз, — вглядываясь в шкалу, потребовал врач.

Я задышал, как спринтер после дистанции.

— Слушай, а может, ты кефир пил? — полюбопытствовал врач. — Ну, молодец! Молодец, парень! Наши словно решили поддержать общее мнение — всегда пьянствуют перед стартом!

— Вчера вот... перебрал, — признался я.

— Сколько?

— Три кружки.

Медсестры и врач молчали. Потом доктор опустил приборчик в карман, задумчиво изрек:

— Да, случай интересный... Где твои бумаги?

Он шлепнул на карту печать, расписался, провел над полоской магнитного индикатора перстнем-кодировщиком. Спросил:

— А летаешь давно?

— Два года.

Одна медсестра неуверенно хихикнула, другая начала мне улыбаться. Очень милая девушка...

— Ты почаще к нам заглядывай, — заметил врач. — Я диссертацию пишу: «Влияние экстремальных экстратерральных условий на поведенческие императивы». Мне нужны самые полярные случаи.

— Как компания решит. Хотя мне тут не очень нравится, — признался я. — Жарко слишком. И местные... совсем уж хмурые.

— А чего им веселиться, у них через неделю сезон коллективной эвтаназии, — хмыкнул доктор. — Личинки созревают, надо обеспечивать свободные пространства. Ладно... Петя. Счастливого полета.

— Спасибо. — Я начал быстренько отступать к двери.

— Сувениры хоть прихватил? — спросил доктор.

— Конечно, — похлопав по карману кителя, сказал я. Медсестры очень неуверенно засмеялись.

— Обязательно заглядывай, Петя, — помолчав, сказал врач.

— Хорошо, Костя. — Я вышел.

Все, главная проблема снята. Допуск получен.

Я прошел в корпус Контрольного Центра. Там было полно морпехов, пришлось достать пропуск и нести его в руке. Я долго искал свободного диспетчера, наконец какой-то угрюмый парень внес мои данные в компьютер и подписал последние пункты разрешения. Мой челнок уже заправили и проверили, я отдал диспетчеру талоны на две с половиной тонны керосина и подтвердил отсутствие претензий.

Вот теперь совсем все, пожалуй.

До старта оставалось полтора часа. Можно было попросить кар, но я решил прогуляться до челнока пешком. Когда еще сюда попаду?

На Хикси я прилетел с грузом простым и не хлопотным. Картинами. Ну, знаете сами — маленькие такие, пятнадцать на десять сантиметров, в деревянных рамочках и под стеклом. На каждой — клочок моря, деревья на берегу, в небе луна, а по воде — серебристая дорожка. Художники честно старались обеспечить максимальное разнообразие, поэтому кое-где в море мелькали паруса, в небе летали птицы или луну затагивали облака. В общем-то зря они это делают, зрение хиксоидов куда совершеннее нашего. Им хватает той индивидуальности, которую придает картине выпавший из кисточки волосок или отпечаток пальца на темпере.